

Джулиан Готорн

Самые интересные истории 19
века

0+

Джулиан Готорн
**Самые интересные
истории 19 века**

«ЛитРес: Самиздат»

1906

Готорн Д.

Самые интересные истории 19 века / Д. Готорн — «ЛитРес:
Самиздат», 1906

ISBN 978-5-532-06587-1

Познавательные и удивительные истории прошлого, которые будоражили
сознание людей в начале 19 века.

ISBN 978-5-532-06587-1

© Готорн Д., 1906
© ЛитРес: Самиздат, 1906

Содержание

Детективные истории из реальной жизни	5
Побег в Техас (авт. Артур Трейн)	5
Приключения в Секретной службе почтового ведомства	16
Заблудший Пастух	19
Претендент в Конгресс	24
Судьба Сэта Сэвиджа	25
Неожиданно исполненное желание	27
Возрождение старой игры	30
Грозное оружие	31
Сен-Жермен Бессмертный (авт. Эндрю Ланг)	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Детективные истории из реальной жизни

Побег в Техас (авт. Артур Трейн)

Бегство и экстрадиция Чарльза Ф. Доджа, бесспорно, повлекли за собой одну из самых необычных битв с правосудием в истории уголовного права. Средства, которыми располагали те, кто был заинтересован в побеге заключенного, были неограничены, и главный заговорщик, ради безопасности которого был похищен Додж, был настолько влиятельным в политических и криминальных кругах, что ему почти удалось бросить вызов прокурору округа Нью-Йорк, даже при поддержке военного и судебного аппарата правительства Соединенных Штатов. Ибо в то время, когда Додж совершал побег, одного шепота Хаммеля было достаточно, чтобы сухие кости многих влиятельных и якобы уважаемых чиновников затрещали, а язык в ужасе прилип к небу.

(Офис окружного прокурора в Нью-Йорке, несомненно, является одной из лучших сторожевых башен, с которых можно наблюдать "реальные детективные истории").

Артур Трейн, бывший когда-то членом этого прокурорского штаба, имеет возможность записать несколько любопытных и захватывающих "правдивых историй преступлений". Ничто так не походит на вымысел, при том, что это истинная правда, несмотря на драматический интерес, как представленный здесь "Побег в Техас".

Те, кто читали газеты несколько лет назад, помнят имена Абрахама Хаммеля и Чарльза Ф. Доджа. Последний, железнодорожный кондуктор, который якобы лжесвидетельствовал по указанию первого, известного как одного из самых блестящих и наименее шепетильных адвокатов в этом городе. Одной из самых больших амбиций окружного прокурора Джерома было привлечь Хаммеля к ответственности. Такая возможность была. Если бы только Доджа можно было заставить свидетельствовать в суде об этом лжесвидетельстве, то Хаммеля, несомненно, осудили бы за преступление, которое не только лишило бы его адвокатской профессии, но и посадило бы в тюрьму.

Додж убежал и исчез, когда шторм, казалось, вот-вот разразится. Где же он был? Кто мог найти и вернуть его вопреки желанию Эйба Хаммеля? РЕДАКТОР.)

Кто мог совершить то, в чем закон был бессилён? Хаммель. Кто мог загнать на край света людей, на которых раньше не лежала и тень сомнения? Хаммель. Кто диктовал начальникам полиции иностранных городов, что они должны или не должны делать в тех или иных случаях, и кто мог движением пальца вызвать в свою похожую на темницу контору в Нью-Йоркском Лайф-Билдинг, куда его переселила фирма с Сентер-стрит? Самый выдающийся юрист, самый выдающийся гражданин? Конечно, нет, только Хаммель. И теперь Хаммель боролся за свою жизнь. Единственным человеком, стоявшим между ним и железными прутьями Блэквеллс Айланд, был Чарльз Ф. Додж – человек, которого он похлопал по колену в своем кабинете и назвал "талисманом", когда по роду своей деятельности нуждался в небольшом лжесвидетельстве, чтобы помочь богатому клиенту.

Хаммель в ужасе задействовал все ресурсы, к которым за сорок лет практики были привязаны его крошечные щупальца. Кто скажет, что, хотя он и делал вид, и каждый вечер легкомысленно развлекался в Tenderloin, он не был уверен, что в конце концов эта опасность исчезнет, как и другие, которые время от времени угрожали ему во время его преступной карьеры? Но Хаммель прекрасно понимал упорство человека, решившего избавиться Нью-Йорк от его пагубного влияния. Его Немезида преследовала его. В его снах, если он вообще когда-нибудь видел сны, она, вероятно, принимала облик широкоплечего окружного прокурора, в тени офисного здания, где мелкий мошенник занимался своим делом. Если бы ему сказали,

что эта Немезида на самом деле веселый человек небольшого роста с круглым румяным лицом и блестящими голубыми глазами, то он бы рассмеялся так искренне, как только мог. Но таков был факт. Маленький человек, похожий не столько на детектива, сколько на коммивояжера, продающего Масло Св.Питера или еще что-нибудь, с манерами столь же мягкими и голосом столь же мягким, как весенний зефир, который всегда снимал шляпу, когда входил в контору, казалось бы, застенчивый до самоуничтожения, был тем, кто взял Чарльза Ф. Доджа у границ Мексики и держал его железной хваткой, несмотря на всех тех к кому Хаммель мог обратиться за помощью, от жуликоватых полицейских чиновников и продажных судей, до банд головорезов под видом шерифского отряда, боровшихся за его освобождение.

Джесси Блочер не работает в округе Нью-Йорк и по деловым соображениям не желает, чтобы его нынешний адрес был известен. Приезжая в Нью-Йорк, он время от времени заглядывает в кабинет писателя, чтобы выкурить сигару и дружески поболтать о старых временах. И когда он сидит там и так скромно и с таким тихим юмором рассказывает о своих приключениях с техасскими рейнджерами среди усеянных кактусами равнин штата Одинокая звезда (Техас), даже тому, кто знает правду, трудно поверить, что этот человек-один из величайших детективов, или, скорее, один из самых способных, находчивых, ловких и сообразительных рыцарей приключений, которые когда-либо отправлялись на, казалось бы, невыполнимое задание.

Нет необходимости объяснять, каким образом окружной прокурор обнаружил существование "Джесси", как мы его знали. Достаточно сказать, что в субботу утром, 23 июля 1904 года, ему были вручены соответствующие верительные грамоты и даны инструкции немедленно отправиться в Новый Орлеан, штат Луизиана, и "найти", если это было в человеческих силах, Чарльза Ф. Доджа, обвиняемого в лжесвидетельстве и потенциально главного свидетеля против Абрахама Х. Хаммеля по обвинению в заговоре. Ему было сказано коротко и по существу, что, несмотря на официальные сообщения из полицейского управления Нью-Йорка и Нового Орлеана об обратном, есть основания полагать, что Додж живет, хотя и не зарегистрирован, в отеле "Сент-Чарльз" в указанном городе. Ему было дано неполное и неточное описание Доджа, и он был предупрежден о необходимости соблюдать крайнюю осторожность, чтобы никто не узнал о его миссии. Как только Доджа обнаружат, он должен будет держать его под наблюдением и немедленно телеграфировать в Нью-Йорк.

Таким образом, Джесси покинул город в тот же день в 16.45 и прибыл двумя днями позже, в 9.15 утра понедельника, в Новый Орлеан, где он направился прямо в отель "Сент-Чарльз", зарегистрировался и получил номер 547 на пятом этаже. Где-то в отеле был спрятан Додж. Вопрос был в том, как его найти. Целый час Джесси сидел в фойе отеля и задумчиво наблюдал, как посетители приходят и уходят, но не видел никаких признаков своей добычи. Затем он встал, надел шляпу и отправился на поиски канцелярского магазина, где за два цента купил ярко-красный конверт. Затем он зашел в контору билетного спекулянта, взял визитную карточку владельца и написал на обороте записку Доджу, предлагая ему дешевый транспорт до любой точки, которую он пожелает. Вооружившись этим, он вернулся в гостиницу, подошел к конторке, небрежно просмотрел несколько телеграмм, разложенных на стойке, и, когда клерк повернулся к нему спиной, незаметно положил на стойку записку, адресованную Чарльзу Ф. Доджу. В конторе было полно народу, гости постоянно сдавали ключи и получали почту, и пока Джесси наблюдал за развитием событий, клерк обернулся, нашел записку и быстро положил ее в ящик номер 420. Очень простая схема сработала, и клерк совершенно бессознательно указал номер комнаты, которую занимал Додж.

Джесси, не теряя времени, поднялся на четвертый этаж, осмотрел комнату номер 420, вернулся к столу, сказал портье, что недоволен назначенной ему комнатой, и попросил, чтобы ему предоставили комнату номер 421, 423 или 425, одну из которых он, по его словам, занимал во время предыдущего визита. После некоторого обсуждения клерк выделил ему комнату

номер 423, которая была почти прямо напротив комнаты Доджа, и детектив сразу же приступил к наблюдению за появлением беглеца.

Не прошло и часа, как дверь отворилась, и Додж с компаньоном, впоследствии оказавшимся Э. М. Брэкеном, по прозвищу Брэдли, агентом, нанятым Хау и Хаммелом, вышли из комнаты, подошли к лифту и спустились в столовую на втором этаже. Джесси подождал, пока они благополучно устроятся за завтраком, а затем вернулся на четвертый этаж, где дал горничной чаевые, сказав, что оставил ключ в конторе, и убедил ее отпереть дверь номера 420, что она и сделала, предположив, что именно Джесси покинул комнату в компании Доджа. Содержимое комнаты убедило Джесса, что он нашел Доджа, так как он обнаружил там две ручки с именем Доджа, а также несколько писем на столе, адресованных ему. Детектив вернулся в холл и немного поговорил с горничной.

– Пожилой мужчина, сопровождавший вас, сильно болен, – сказала она. – Как он сегодня?

– Ему немного лучше, – ответил Джесси.

– Да, сегодня он выглядит получше, – добавила она, – но вчера ему было очень плохо. Конечно, он из комнаты дней пять или шесть не выходил.

Это утверждение подтверждалось внешностью Доджа, потому что он выглядел изможденным и измученным.

Теперь Джесси был уверен, что нашел Доджа, несмотря на сообщения полиции Нового Орлеана об обратном, и он также был уверен, что беглец слишком болен, чтобы немедленно покинуть отель. Поэтому он телеграфировал своему начальству, что обнаружил Доджа и что тот болен в отеле "Сент-Чарльз".

В три часа дня Джесси получил следующую телеграмму из Нью-Йорка:

“Департамент полиции Нового Орлеана утверждает, что подозреваемого там нет. Он уехал в Мексику три недели назад. Выясните точное место расположения и сразу же телеграфируйте”.

Джесси тут же ответил:

“Никаких сомнений относительно личности подозреваемого и его присутствия здесь в данный момент”.

Теперь он взял на себя задачу держать свою добычу под абсолютным наблюдением днем и ночью, и эта обязанность с этого момента продолжалась в течение почти десяти месяцев.

Весь остаток дня и всю ночь Додж и Брэкен оставались в номере 420, а вечером их посетили несколько незнакомцев, в том числе полицейский в штатском из полицейского управления Нового Орлеана. Маленький Хаммел, обедая на Лонг-акр-сквер в ярком свете Бродвея, нажимал какую-то невидимую кнопку, которая передавала силу его влияния даже полицейскому правительству города, расположенному в двух тысячах миль отсюда.

На следующий день, 26 января, около 8.40 утра Додж и Брэкен спустились в вестибюль. Брэкен вышел из отеля, оставив Доджа оплачивать счет в окошке кассы, и Джесси услышал, как он заказал такси до станции "Сансет Лимитед" Южнотихоокеанской железной дороги в 11.30 и распорядился, чтобы его багаж убрали из номера. Джесси сделал то же самое.

Тем временем Брэкен вернулся и ровно в 11 утра отправился на вокзал в такси с Доджем. Джесси последовал за ним в другом. Когда они проходили через ворота, детектив мельком взглянул на билет Доджа и увидел, что он был выписан мексиканской национальной железной дорогой. Удалившись в телеграфную контору на вокзале, он телеграфировал в Нью-Йорк следующее:

“Птичка улетает – Сансет Лимитед. Пункт назначения не известен. Я с ним”.

Затем он торопливо купил билет до Хьюстона, штат Техас, и сел в поезд. Компаньон Доджа попрощался с ним, когда поезд тронулся, и теперь задача Джесса состояла в том, чтобы выяснить куда направляется Додж. После некоторых затруднений ему удалось разглядеть весь

билет беглеца и таким образом выяснить, что он направляется в Мехико через Игл – Пасс, штат Техас, в то время как от кондуктора Пульмановского вагона он узнал, что Додж взял спальный вагон только до Сан-Антонио, штат Техас.

Пока все шло хорошо. Он знал Доджа, но Додж не знал его, и позже днем он имел удовольствие долго беседовать со своей добычей в смотровом вагоне, где они дружески обсуждали текущие события и спорили о политике с такой же горячностью, как если бы они были путешественниками, случайно оказавшимися в компании друг друга. Додж, однако, ловко уклонялся от любого упоминания о цели своего путешествия.

Когда поезд прибыл в Морган-Сити, штат Луизиана, в 3 часа пополудни, что было первой остановкой, Джесси телеграфировал в Нью-Йорк следующее:

"На Сансет Лимитед с другом. У него есть транспорт до города Мехико, через Орлиный перевал, куда я сейчас еду с ним. Ответьте Бомонту, штат Техас".

Позже во второй половине дня он прислал еще одно сообщение из Лафайет, Луизиана:

"Видел транспорт друга и точно знаю, куда он едет".

Додж занимал 3е купе спального вагона "Capitola". Он рано пошел спать.

В Бомонте Джесси не получил никакого ответа на свои многочисленные послания, а когда поезд прибыл в Хьюстон, из Нью-Йорка не пришло ни слова, пока не подошло время отправления. Ожидая практически до последнего, Джесси поспешил к воротам вокзала Юнион-Стейшн в Хьюстоне и купил билет до Сан-Антонио. Когда он выходил из билетной кассы, к нему подбежали начальник полиции Джон Говард и два офицера, озабоченно спрашивая про "Господина Джесси". Подкрепление прибыло.

Снаружи "Сансет Лимитед" только начинал трогаться от перона. Первые судорожные гудки вырывались из трубы. В поезде Додж мирно спал на своей койке. Джесси, сопровождаемый Говардом, поспешил к кондуктору, который уже готов был вскочить на подножку вагона, и приказал ему придержать поезд, пока беглеца не увезут. После недолгих препирательств кондуктор с ворчанием подчинился, и Додж очнулся от приятных грез о "креольском квартале", в холодной реальности, в которую его вытащил из постели полицейский. Его бесцеремонно вытолкали из спального вагона и отвезли в штаб-квартиру, где он представился и сказал:

– Я знаю для чего я нужен, но я никогда не вернусь в Нью Йорк.

У него на руках была найдена сумма в размере 1563,15 долларов, а также многочисленные письма из юридической фирмы "Хоу и Хаммел" и несколько газетных вырезок, относящихся к его делу.

Додж умолял шефа Говарда не закрывать его, уверяя, что он болен, и предлагал хорошую сумму, если его отвезут в гостиницу и будут охранять до конца ночи. Но то, что "прошло" в Новом Орлеане, не "прошло" в Хьюстоне, и лучшее, что Додж мог получить для себя, была койка в "женской комнате для задержанных" на втором этаже тюрьмы.

Рано утром следующего дня Джесси посетил полицейское управление и впервые встретился с Джорджем Эллисом, шефом полиции Хьюстона, к которому он всегда будет испытывать чувство глубокой благодарности за его активное сотрудничество и верность во многих волнующих событиях, которые последовали. Теперь Додж получил телеграмму из Нью-Йорка, которая была передана Джесси, прежде чем попасть к заключенному, о том, что Хоу и Хаммел посылают адвоката, чтобы помочь беглецу избежать экстрадиции, и сообщают ему, что они наняли господ Ханта и Мейерса в качестве адвокатов, чтобы заботиться о его благополучии. Эти последние немедленно взялись за работу и во второй половине того же дня получили акт "Хабеас корпус" от Нормана Дж.Китрелла, окружного судьи округа Харрис, штат Техас, подлежащий исполнению на следующее утро.

На следующий день, 28 января, Китрелл освободил Доджа из-под стражи.

Джесси предвидел это и немедленно выписал еще один ордер, в результате чего заключенного арестовали еще до того, как он покинул зал суда.

Тем временем в интересах Доджа была нанята еще одна адвокатская контора, Господа Эндрюс и Болл, которые на следующий день добились от судьи Эша второго судебного приказа "Хабеас корпус".

В результате того, что первая встреча закончилась вничью, адвокаты обеих сторон согласились, что этот акт не может быть исполнен в течение шести дней. В течение этого периода окружной прокурор Джером нанял господ Бейкера, Боттса, Паркера и Гарвуда представлять его интересы и добился от губернатора Оделла в Олбани ходатайства о выдаче заключенного губернатору Техаса Ланхэму, которое он поручил детективу сержанту Херлихи из Нью-Йоркской полиции. Херлихи прибыл в Хьюстон с почтовым поездом вечером 30 января, и с ним на том же поезде приехал Абрахам Каффенбург, сотрудник юридической фирмы "Хоу и Хаммел" и племянник последнего. Точно так же пришел и Брэкен, все еще называя себя "Э. М. Брэдли", и отныне Брэкен был неразлучным спутником, проводником, философом и другом (?) несчастного Доджа, чье дальнейшее существование на этой земле стало такой угрозой для маленького адвоката в Нью-Йорке.

Херлихи в сопровождении судьи Гарвуда проследовал прямо в Остин, где они нашли Доджа вместе с г-дами Эндрюсом и Боллом, которые на слушаниях перед губернатором Ланхэмом предприняли решительные усилия, чтобы заставить этого чиновника отказаться выполнить требование губернатора Нью-Йорка. Эта попытка провалилась, и губернатор Ланхэм выдал ордер, но не успел Херлихи вернуться в Хьюстон с целью забрать заключенного, как ему было вручено предписание, запрещающее ему вместе с шефом полиции Эллисом брать Доджа под стражу до слушания по новому делу "Хабелас корпус", которое было вынесено судьей Уоллером Т. Бернсом из окружного суда Соединенных Штатов по Южному округу Техаса. Это новое постановление было исполнено 9 февраля.

После исчерпывающих, но бесполезных аргументов адвоката Доджа судья Бернс передал заключенного под стражу Херлихи, чтобы тот был возвращен в штат Нью-Йорк, но не успело это решение быть вынесено, как адвокаты Доджа подали апелляцию, и заключенный был освобожден под залог в двадцать тысяч долларов.

В течение этого периода Додж находился под охраной в отеле "Райс" в Хьюстоне, а на следующий день после заседания был внесен залог в двадцать тысяч долларов наличными, и Додж был освобожден из под стражи.

Однако Джесси, тем временем, зная, что никакая сумма, сколь бы велика она ни была, не удержит Хаммела от похищения Доджа из страны, принял меры к тому, чтобы получить новый ордер на экстрадицию от губернатора Техаса, так что, если заключенному удастся выбраться за пределы Южного округа Федерального суда Техаса, его можно будет арестовать и доставить в Нью-Йорк.

Конечно, кто-то должен был присматривать за Доджем, пока Джесси спешил в Остин к губернатору, и было решено оставить сержанта Херлихи, которого для этой цели заставили вернуться несколько местных детективов. Но пока бдительный Джесси отсутствовал, Брэкен занялся делом в духе старых добрых Хоу и Хаммела. Множество людей, которых Херлихи никогда раньше не видел, приходили и заявляли, что он самый лучший парень, которого они когда-либо встречали. А так как Херлихи был, в сущности, славный мальчик, то он радушно принимал их, обедал и пил за их счет, пока не проснулся в отеле "Менгер" в Сан-Антонио и не спросил, где он.

Джесси тем временем вернулся из Остина и обнаружил, что Додж со своими спутниками, Каффенбургом и Брэкеном, выскользнул из Хьюстона рано утром 11 февраля, избавившись от Херлихи и ускользнув от его бдительных помощников. Хаммел был впереди, и к десяти часам следующего утра Додж и его товарищи были уже на борту английского торгового судна,

стоявшего в гавани Галвестона. Позже, в тот же день, "Хаммел Стейтс" зафрахтовал у Южно-тихоокеанской железной дороги за три тысячи долларов морской буксир "Хьюз", на который теперь был переведен Додж, чтобы доставить его в порт Тампико в мексиканской Республике.

Но тут провода Хаммеля пересеклись с проводами Джерома, и, к несчастью для маленького адвоката, люди, у которых был арендован буксир, оказались тесно связаны с интересами обвинения, в результате чего капитан буксира получил указание от своего начальства ни в коем случае не заходить в мексиканский порт, а, напротив, задержать свой выход из гавани Галвестона на два дня, а затем проследовать только до Браунсвилла, штат Техас, где он должен был принудить беглеца высадиться на берег. Капитан, который был не только хорошим офицером, но и хорошим спортсменом, тотчас же бросился в трюм и сказал Бракену и Каффенбургу, что по барометру видно, что приближается сильный шторм (который, должно быть, имел зловещее значение для этих двух несчастных джентльменов) и что он не может думать о выходе в море. Как только "шторм" утих, буксир двинулся в путь по голубым водам Мексиканского залива. Но теперь Брэкен и Каффенбург были впервые поставлены в известность о невозможности заходить в какой-либо порт Мексиканской Республики, так как это вызвало бы международные осложнения и вынудило бы отозвать лицензию капитана. В отчаянии "Хаммели" предложили капитану пять тысяч долларов наличными за то, что он пренебрежет его инструкциями и отправится в Тампико, но достойный морской волк был непреклонен. Видеть трех господ в такой панике видимо стоило для капитана пяти тысяч долларов.

Пока Додж и его сообщники развлекались в Галвестонской гавани, Джесс воспользовался возможностью немедленно отправиться по железной дороге в Элис, штат Техас, который в то время был самым дальним южным пунктом, куда можно было добраться по железной дороге в направлении Браунсвилла. По прибытии он сразу же обратился к капитану Джону Р. Хьюзу, командиру роты техасских рейнджеров, который принял его с большой радостью и приказал отряду рейнджеров встретить буксир в Пойнт-Изабель в устье реки Рио-Гранде на границе с Мексикой. Тем временем Джесси отправился в утомительное путешествие на дилижансе в Браунсвилл, через сто семьдесят миль пустыни, которое заняло два дня и две ночи и потребовало, чтобы он не спал все это время. Во время поездки Джесси не слышал ни слова по-английски, а в компании у него были только мексиканские скотоводы. Каждые пятнадцать миль на смену запрягали новую партию "Бронкос", и после нескольких минут отдыха страдания возобновлялись.

Джесси спешил в Браунсвилл на дилижансе, в то время как Додж, Каффенбург и Брэкен причалили в Пойнт-Изабель, где их держал под пристальным наблюдением сержант рейнджеров Том Росс. Оттуда они сели на поезд до Браунсвилла, зарегистрировавшись в доме Миллера под вымышленными именами К. Ф. Догерти, А. Кунцмана и Э. М. Баркера, все из Оклахомы. Но, хотя они и не знали этого, сержант Том был рядом с ними, и если бы Додж попытался пересечь границу Мексики, он был бы немедленно арестован.

Поскольку Браунсвилл находился в Южном округе Федерального суда Техаса, Джесси решил не арестовывать Доджа до тех пор, пока тот не попытается бежать, и когда Додж и его спутники на следующее утро, 15 февраля, вошли в дилижанс (тот самый, на котором был Джесси) и направились к Элис, Джесси и Том Росс раздобыли лучших лошадей, которых смогли найти, и отправились за ними, держась в поле зрения дилижанса. Додж намеревался пересечь на мексиканскую международную железную дорогу в Элис и пересечь границу с Мексикой через Ларедо.

Джесси и Росс преодолели семьдесят четыре мили от Браунсвилла до Ранчо Санта-ла-Крус к четырем часам дня, что было довольно утомительно для Нью-Йоркского детектива, и здесь они почувствовали себя настолько уставшими и измученными после поездки, что с радостью наняли пару лошадей и коляску, чтобы доехать до Элис. К счастью, им удалось установить телефонную связь с различными владельцами ранчо, расположенными вдоль дороги, и дого-

вориться о том, чтобы каждые двадцать миль им поставляли свежую партию лошадей, и здесь Джесси позвонил капитану Хьюзу в "Элис" и предложил ему заменить постоянного ночного клерка в городской гостинице одним из рядовых рейнджеров по имени Хэррод.

Додж и его спутники прибыли в Элис 17 февраля и, как и предполагал Джесси, сразу же отправились в городскую гостиницу, где, поскольку они были грязными от пыли и подавлены отсутствием общества, они сразу же вступили в восторженную и доверительную дружбу с человеком за стойкой в конторе отеля, в высшей степени не подозревая, что раскрывают члену техасских рейнджеров все свои самые тайные намерения. Хэррод был так же рад видеть Доджа, как Додж, очевидно, был рад видеть Хэррода, и любезно предложил помочь беглецу попасть в Мексику любым способом, который тот пожелает. Додж, со своей стороны, воспользовался его полезностью до такой степени, что попросил его купить им железнодорожные билеты, планируя на следующее утро уехать из Элис в Монтерей, Мексика. Через три часа после того, как дилижанс с Доджем и его компанией подъехал к отелю "Сити", в два часа ночи Том Росс и Джесси въехали в город в сопровождении пары потрепанных "Бронко". Джесси уже пять дней не спал и не ел как следует, и у него едва хватило сил подняться на один лестничный пролет и рухнуть в постель, из которой он не вылезал много часов.

Тем временем рассвело, и Додж, Каффенбург и Брэкен, позавтракав, с комфортом доехали до международного железнодорожного вокзала и устроились в курильне, но не успели они реализовать свои намерения, как вошел капитан Хьюз и арестовал Доджа. Удивление последнего можно оценить, если учесть, что с того момента, как они покинули Хьюстон, они понятия не имели о том, что за ними следят, и считали, что полностью обманули Джесси и его помощников.

Пока Джесси гонялся за Доджем по пустыне, его адвокаты не сидели сложа руки и получили в Остине еще один ордер на экстрадицию от губернатора Лэнхема, который, получив известие об аресте, немедленно телеграфировал капитану Хьюзу, чтобы тот взял на себя ответственность за арестованного и передал его в руки Нью-Йоркского офицера, который должен был доставить его в Нью-Йорк.

Теперь началась такая судебная тяжба, какой никогда не знал штат Техас. Хаммеля загнали в последнюю канаву, и он отчаянно боролся за жизнь. Через Каффенбург он сразу же подал прошение о новом постановлении "Хабеас корпус" в графстве Нуэсес и нанял адвоката в Корпус-Кристи, чтобы помочь в борьбе за освобождение заключенного. Именно так, как и предполагал Хаммель, шериф Райт из Нуэсеса въехал в Элис и потребовал пленника у капитана Хьюза. Но этого Хаммель НЕ ожидал, капитан Хьюз отказался выдать пленника и велел шерифу Райту идти к ... ту, он сказал ему, что намерен выполнить приказ своего главнокомандующего, губернатора Техаса.

20 февраля Хаммель через Каффенбурга попытался получить еще одно предписание "Хабеас корпус" в графстве Би, и тут же к с жужжанием к Хьюзу примчался шериф графства Би и потребовал Доджа, но Хьюз ответил ему так же, как и Райту.

Возбуждение в Элис достигло такой степени, что судья Бернс из федерального суда в Хьюстоне приказал маршалу Соединенных Штатов Джону Ванну из Элис взять на себя ответственность за арестованного. Однако неукротимый Хьюз обращал на Маршала Соединенных Штатов не больше внимания, чем на местных предводителей. Но ситуация была настолько щекотливой, и столкновение властей могло так легко привести к кровопролитию, что в конце концов все стороны согласились, что лучше всего будет вернуть заключенного в Хьюстон под совместную опеку капитана рейнджеров Хьюза и Маршала Соединенных Штатов.

Джесси через своего адвоката, в надлежащем порядке, подал прошение о лишении Доджа залога и заключении его под стражу, но адвокаты Хаммеля в конце концов убедили суд, под предлогом того, что заключение Доджа в тюрьму повредит его и без того сильно ослабленному

здоровью, разрешить заключенному выйти на свободу по значительно увеличенному залого, тем не менее ограничив его передвижение в округе Харрис, штат Техас.

Хотя Джесси до сих пор вел победоносную войну, он был на пределе своих возможностей в том, что касалось выдачи заключенного, поскольку Додж теперь был на свободе, ожидая решения по окружного апелляционного суда Соединенных Штатов делу “Хабеас корпус” в Форт-Уэрте и Верховного суда Соединенных Штатов в Вашингтоне. Но ему было приказано доставить Доджа обратно в Нью-Йорк. Поэтому с помощью новых людей, присланных с севера, он начал еще более тщательное наблюдение за арестованным, чем когда-либо прежде, днем и ночью.

Тем временем Каффенбург отбыл в Нью-Йорк, спасаясь от гнева судьи Бернса, который вызвал его в суд за неуважение к Федеральному суду на том основании, что он вынудил Доджа попытаться нарушить свои обязательства. На смену буйному Каффенбургу был послан другой сотрудник знаменитой юридической фирмы “Хоу и Хаммел”, Дэвид Мэй, человек совершенно иного склада. Мэй был таким же мягким, как июньский день,—настолько же вежливым, насколько Каффенбург был дерзким. Он впорхнул в Хьюстон, как белый голубь мира, с пресловутой оливковой ветвью во рту. Отныне тактика, применявшаяся представителями Гуммеля, была в высшей степени примирительной. Господин Мэй, однако, недолго оставался в Хьюстоне, поскольку было очевидно, что ни одна из сторон ничего не может сделать до решения суда, и в любом случае Додж был в изобилии снабжен местными адвокатами. Теперь пришло время, когда Хаммел, должно быть, почувствовал, что судьба против него и что двадцатилетний срок в тюрьме штата стал реальной возможностью даже для него.

Тем временем Додж и Брэкен разместили свою штаб-квартиру в отеле “Райс” в самом дорогом номере, очевидно, придумав новый план, как вывести заключенного за пределы досягаемости Нью-Йоркских судов. Теперь Додж предавался всем мыслимым излишествам и порокам. Он был погружен в роскошь, не было такого разврата, который не мог бы обеспечить Брэкен, и их образ жизни скоро стал поводом для разговоров в графстве и продолжал оставаться таковым в течение десяти долгих месяцев. Существует не один способ убить кошку и не один способ уничтожить единственного свидетеля против отчаявшегося человека, стремящегося избежать последствий преступления.

Распорядок дня Доджа был примерно таков: он никогда не ночевал в собственном отеле, а вставал утром между десятью и одиннадцатью часами, когда его сразу же навещал Брэкен и подавал многочисленные напитки вместо завтрака, к которому у него никогда не было никакого желания. В полдень они вдвоем завтракали и пили еще. После обеда они отправлялись в бильярдные и играли на скачках, а когда скачки заканчивались, отправлялись в казино Фаро и играли там до полуночи или позже. Затем они отправлялись на другой курорт на Луизиана-Стрит, где действительно жил Додж. Здесь, можно сказать, начинался его день, и здесь он тратил большую часть своих денег, часто платя по пятьдесят долларов в ночь за вино и неизменно заканчивая в отвратительном состоянии опьянения. Вполне вероятно, что никогда в истории разврата ни один человек не был так предан всевозможным излишествам в течение того же периода времени, как Додж летом и осенью 1904 года. Беглец так и не ступил ногой на Землю-матушку. Если они проезжали всего один квартал, Брэкен вызывал такси, и оба, казалось, испытывали особое удовольствие, заставляя Джесси, как представителя Джерома, тратить как можно больше денег на аренду такси. Хьюстонские Иеговы никогда больше не переживали столь благоприятного времени, как во время дождливого сезона Доджа; и жизнь беспутства продолжалась до тех пор, пока время от времени узник не ослабевал настолько, что был вынужден лечиться у врача. Несколько дней воздержания всегда восстанавливали его жизненные силы, и тогда он начинал новый круг удовольствий.

В течение этого времени Джесси вел тщательную личную слежку за подозреваемым. В течение более чем десяти месяцев он спал менее четырех часов в день, его усталость возрас-

тала из-за постоянных опасений предательства среди его собственных людей и необходимости быть всегда начеку, чтобы предотвратить какое-либо движение со стороны защиты, чтобы увести арестованного. В течение лета неоднократно предпринимались попытки избавиться от наблюдения Джесси и его людей, и несколько отчаянных попыток были сорваны ими, в том числе один раз, когда Бракену удалось проскочить до Галвестона, где они были вынуждены отказаться от своего замысла.

Время от времени Брэкен исчезал из Хьюстона на неделю или десять дней, заявляя по возвращении, что он был в Нью-Йорке, после чего неизменно появлялся какой-нибудь новый ход, чтобы увести заключенного. Время и пространство мешают дать подробный отчет обо всех маршах и контрмаршах, которые имели место в этой битве умов.

В августе 1904 года Брэкен совершил один из своих периодических визитов в Нью-Йорк, а когда вернулся, разыскал Джесси и сказал, – Блохер, будь хорошим парнем и получай свое, пока можешь. Я имею в виду, что Додж не вернется в Нью-Йорк, даже если его невозврат будет стоить миллион долларов.

Через несколько дней Брэкен послал к Джесси игрока по имени Уорнер, который предложил последнему тридцать пять сотен долларов за то, чтобы тот "исчез" на срок достаточный для того, чтобы пленник смог ускользнуть в Мексику. Действуя по совету своего адвоката, Джесси поощрял эту попытку, полагая, что если он сумеет поставить силы Хаммеля в такое положение, что они попытаются подкупить его, то залог заключенного может быть аннулирован и он сам будет взят под стражу. Однако Хаммель насторожился и, по-видимому, на время отказался от идеи подкупа. Позже Брэкен снова исчез. Когда он вернулся, в его поведении произошла заметная перемена, и Джесси заметил, что он постоянно советуется с Доджем, из чего детектив сделал вывод, что они собираются предпринять какой-то последний отчаянный шаг к побегу заключенного.

Однажды Джесси увидел, как Брэкен показывает Доджу карту и какие-то чертежи на бумаге, это так взбудоражило его подозрения, что он с неослабевающим усердием последовал за ними и через день или два был вознагражден небрежностью Брэкена и возможностью обшарить карманы его пальто в бильярдной. Здесь он нашел полный набор тщательно проработанных планов переправки заключенного из Сан-Антонио в Мексику во время ярмарки штата. Эти планы были очень тщательно продуманы, каждый пункт был спланирован от покупки билетов и прохождения багажа через таможню до размещения в отелях в Мехико и Тампико, а также билетов на пароход из Тампико в Европу.

План состоял в том, чтобы добиться разрешения суда на выезд Доджа из Хьюстона под предлогом посещения ярмарки в Сан-Антонио и там "потерять" его во время гуляний из-за большого скопления народа.

Разумеется, нет нужды говорить, что эти планы были отвергнуты, когда Брэкен обнаружил, что Джесси уже предупрежден.

Почти сразу же после этого окружной апелляционный суд в Форт-Уэрте, штат Техас, принял неблагоприятное решение по одному из дел "Хабеас корпус", но все же позволил арестованному сохранить свободу до окончательного решения вопросов, связанных с Верховным судом в Вашингтоне.

Однако силы Хаммеля явно теряли надежду, поскольку в начале октября была предпринята еще одна попытка подкупить Джесси. Однажды вечером Брэкен вошел к нему в комнату и сказал, что он может установить собственную цену, если только будет хорошим парнем, и даже зашел так далеко, что показал сумму денег, которая, по его словам, составляла двадцать пять тысяч долларов. Единственным результатом этого предложения было то, что Джесси удвоил свои предосторожности, поскольку он понимал, что ситуация действительно должна быть острой, когда такое предложение можно считать стоящим. После этого стало оче-

видно, что веселье Доджа и его спутников только усилилось. Соответственно, Джесси пополнил свой отряд помощниками.

2 декабря 1904 года Натаниэль Коэн, еще один сотрудник фирмы "Хоу и Хаммел", прибыл в Хьюстон, и на следующий день Верховный Суд в Вашингтоне вынес решение по апелляции "Хабеас корпус" против заключенного, которого судья Бернс сразу же отдал под стражу маршалу Соединенных Штатов Уильяму М. Хансену.

Для Доджа все выглядело действительно черным, а для Хаммела – еще чернее. Как, должно быть, дрожал в своих лакированных сапогах маленький адвокат, обедавший в полдень за четыре тысячи миль отсюда, в ресторане Понтина на Франклин-стрит! Его последний эмиссар, Коэн, сразу же нанял помощника по имени Брукман и вместе с ним отправился в округ Уортон, штат Техас, где они получили новое предписание "Хабеас корпус" и убедили местного шерифа, дать присягу в составе сотни человек и прибыть в Хьюстон и силой оружия забрать пленного из рук маршала Соединенных Штатов.

Это была одна из самых смелых и отчаянных попыток, предпринятых в последние годы, чтобы сорвать исполнение закона. Джесси считал, что реальная цель этой группы состояла в том, чтобы спровоцировать драку между ними и федеральными властями. Не исключено, что в таком случае Додж мог либо сбежать, либо погибнуть. Люди, составлявшие отряд, были самого отчаянного характера и состояли в основном из так называемых "феодалных группировок" графства Уортон, известных как "дятлы" и "сойки". Джесси был проинформирован, и исходя из того, что он был отличным специалистом, можно довериться его мнению и сказать, что этот шаг обошелся войскам Хаммела в пятнадцать тысяч долларов и что каждый член отряда получил по сто долларов за свои предполагаемые услуги по "спасению" заключенного. Но гражданская война, даже в небольших масштабах, не может скрыта, и до получения мандата Верховного суда судья Бернс приказал доставить заключенного в Галвестон в целях безопасности.

Таким образом, долгая, дорогостоящая и тяжелая борьба наконец закончилась, ибо судья Бернс в свое время распорядился, чтобы Чарльз Ф. Додж был доставлен в Нью-Йорк под личную охрану Маршала Соединенных Штатов и передан им Нью-Йоркским властям "в пределах границ этого штата. Такой приказ был, конечно, чрезвычайно необычным, если не почти неслыханным, но он был абсолютно необходим из-за мощного влияния и ресурсов, а также бессовестного характера тех, кто был заинтересован в том, чтобы обеспечить исчезновение Доджа.

Чтобы сорвать любые планы по освобождению заключенного насильственным или иным способом, а также предотвратить задержку с помощью юридических формальностей, Хансен и Джесси решили доставить Доджа в Нью-Йорк по воде, и 16 декабря маршал и пять его помощников сели на пароход линии Мэллори в Галвестоне и прибыли в Нью-Йорк со своим заключенным вечером 23 декабря.

Додж добрался до Нью-Йорка в полном изнеможении. Как его заставили сказать всю правду после того, как он признал себя виновным в предъявленном ему обвинении, – это отдельная история. Теперь наступила неизбежная реакция на его распутство, и в течение нескольких дней его жизнь была на волоске. Джесси тоже был, как говорится, "в полном изнеможении", и единственными людьми, которые еще могли оценить прелести Нью-Йорка, были дюжий маршал и его ребята, которые некоторое время были объектами интереса, когда они прогуливались по Бродвею и пили "глубоко и сердечно" в кафе. Для помощников окружного прокурора они были героями, и к ним относились соответственно.

О том, как Додж в конце концов дал показания против Хаммела на свидетельской трибуне, уже говорилось. Как говорят в центре, если бы Джером никогда не делал ничего другого, он бы "исправился", заперев Эйба Хаммела. Никто никогда не верил, что он это сделает. Но Джером никогда бы не запер Хаммела без Джесси. И, как говорит Джесси со смехом, откидываясь на спинку стула и глубоко затягиваясь сигарой, – я думаю, что не сделал бы этого снова

—нет, я не сделал бы этого снова за все деньги, которые вы могли бы мне дать. Удивительно, что я вышел оттуда живым.

Когда читатель задумается об этом, он, вероятно, согласится с ним. Р. Н. Вудворт.

Приключения в Секретной службе почтового ведомства

Автор нижеследующих страниц был главным специальным агентом Секретной службы почтового ведомства Соединенных Штатов во времена пионеров и романтиков. Любопытные приключения, о которых идет речь, частично взяты из его собственных наблюдений, а частично из записных книжек коллег-офицеров, действовавших во многих частях страны.

Эти истории правдивы, хотя, конечно, справедливость требует, чтобы в некоторых случаях люди и места обычно маскировались под вымышленными именами.

Эти истории интересны не только своей захватывающей игрой честного ума против нечестного, но и предостережениями, которые они озвучивают против веры в то, что "слишком хорошо, чтобы быть правдой" из-под пера незнакомцев.

Существует класс почтовых воров, которые специализируются на том, чтобы рыться в заказных письмах, проходящие через их руки в транзитных поездках большей или меньшей дальности. Некоторые из них управляли операциями очень хитро, очевидно, полагая, что они открыли безошибочный метод выполнения работы и в то же время избежали обнаружения. Слишком поздно они обычно узнают на печальном опыте, что ничто не помогает скрыть преступление.

В этих случаях всегда остается что-то осязаемое, чтобы показать особый стиль работы, присущий каждому из них; и часто непосвященный удивился бы, узнав, сколько черт характера, какие признаки привычки и призвания могут быть обнаружены при тщательном изучении мельчайших деталей, представленных для осмотра. Однако, если агент не развивает вкус к тщательности даже в мелочах и деталях, которые на первый взгляд могут показаться совершенно незначительными, он никогда не преуспеет в интерпретации иероглифов.

С интервалом в две-три недели, начиная с лета 1871 года, зарегистрированные посылки, проходившие туда и обратно из Чикаго в город в глубине территории Дакота, который для удобства будет называться Веллингтон, хотя это и не было его названием, поступали в департамент вскрытые. По мере того как сезон подходил к концу, жалобы участились. При старом методе ведения дел в штаб-квартире, дела распределялись примерно поровну "среди работников"; агент, находившийся в Чикаго, вначале получал большинство жалоб, затем часть из них была послана агенту в Айову, и по мере того, как число жалоб увеличивалось, Фьюрей в Омахе был удостоен редкой возможности. При нынешней, более совершенной системе все очень стараются сгруппировать все жалобы, вытекающие из каждой серии ограблений, определить место возникновения неприятностей путем тщательных сравнений, сделанных в самом департаменте, и передать все, имеющее отношение к данному вопросу, офицеру, которому конкретно поручено расследование.

Наступил март прежде, чем господин Фьюрей нашел время уделить личное внимание этому конкретному вору. Он проехал по дороге в Веллингтон, длиной в восемьдесят миль, дилижансом от ближайшей железнодорожной станции, с десятью промежуточными почтовыми офисами. Все посылки оставались на ночь в Сиу-Сити, штат Айова, – факт достаточно важный, чтобы привлечь к нему пристальное внимание, но сыщик вскоре убедился, что ему придется искать грабителя в другом месте. Затем его подозрения были направлены в другой офис, где также находилась почта в течение ночи; но у почтмейстера было такое открытое и честное лицо, что он тоже был избавлен от подозрений.

Он продолжал путь в Веллингтон, ведя расследование по пути и наблюдая за лицами почтмейстеров; но эти физиогномические исследования не проливали света на тайну, так как чиновники департамента на маршруте, хотя и были далеко от центрального надзора, казалось, были всем, чего мог желать их любящий дядюшка в Вашингтоне. На обратном пути детектив был столь же наблюдателен и столь же озадачен. В это время года Дилижанс останавливался

на ночь в Ганнибале; но и там у почтмейстеров были честные взгляды, которые, казалось, обладали в Восточной Дакоте.

Продолжая путь, пассажиры дилижанса пообедали в "вороньем гнезде", где некий Майкл Махони-старший держал небольшой магазин и почту, а также—с помощью маленького сына и зятя-ферму. Магазином управлял Майкл Махони-младший, женатый сын, который отсутствовал и тогда, когда специальный агент уходил, и тогда, когда он возвращался. Лицо старика говорило о том, что он порочен, невежествен и беспринципен, но, очевидно, он не был достаточно умен, чтобы выполнять подобную работу.

Ознакомившись с маршрутом, специальный агент вернулся немного пораздумав и решил, что лучше в данных обстоятельствах, дать птице еще немного поволноваться, прежде чем возобновить охоту. Между тем вор становился все более безрассудным, и бумаги, которые приходили к господину Фьюрею, хотя и освещали лишь часть ограблений, обозначали вора в нижней части маршрута, в пятидесяти милях от конечной станции.

В течение лета один или два других агента бегло занялись этим делом, но не сделали никаких открытий. Тем временем господин Фьюрей был слишком занят чередой важных дел в Небраске, чтобы уделять много внимания отдаленной территории Дакоты. Наконец, в сентябре он тщательно просмотрел бумаги, накопившиеся за время его поздних длительных отлучек, и вскоре точно знал, где искать человека, который так долго безнаказанно грабил публику.

В течение некоторого времени Чикаго закрывал зарегистрированные конверты с пакетами воском, который, по крайней мере на этом маршруте, эффективно защищал их от вскрытия. Подражая этому примеру, Кэмпден, Дакота, начал делать то же самое; но, не имея подходящей для этой цели печати, импровизировал замену, используя плоскую поверхность рашпиля.

Почтальон из Кэмпдена заливал воском каждый конец конверта, что существенно мешало игре вора, потому что именно здесь он действовал. Очевидно, задетый тем, что сельский почтмейстер осмелился перехитрить его, он усердно старался изобрести какой-нибудь способ вскрыть эти особые посылки, не оставив таких следов своей работы, которые привлекли бы внимание других чиновников, через чьи руки они впоследствии могли бы пройти. Это усилие увенчалось заметным успехом, ибо г-н А. Фьюрей во время упомянутого общего осмотра первым обнаружил, что печать была подделана.

Так как необходимо было сломать одну из печатей, то целью грабителя было как можно скорее восстановить ее первоначальный вид; для этого он использовал смоченный наперсток, катая его по воску, пока тот был горячим. На стоянке был только один такой конверт, но он рассказывал всю историю глазу, который мог проникнуть в ее смысл. Когда наперсток проходил по краю, он оставлял след от обода, затем гладкую узкую полосу, за которой следовали заостренные возвышения, очень похожие на непрерывные линии.:

===== –

На противоположной стороне той же печати воск расплющивался так, чтобы покрыть большую часть поверхности, и, чтобы придать ему желаемый вид, манипулятор снова прибежал к наперстку, но на этот раз использовал другой, причем углубления на поверхности были заметно тоньше и более мелкими.

Взлом этой единственной печати выдал вора, так как детектив сразу же предположил, что работа была сделана в магазине, где оператор имел доступ к различным наперсткам. Требовался только один, и ни один человек, кроме торговца, не мог иметь больше одного в пределах удобной досягаемости. В магазине, однако, было бы естественно взять полную коробку и положить ее на прилавок, чтобы выбрать из нее наугад. Выбрав один наперсток, вор использовал его и бросил обратно. Затем вор нашел другое место, требующее внимания, и, не утруждая себя поисками первого наперстка, так как воск остывал и времени нельзя было терять, он схватился за первый, попавшийся под руку. Он был слишком увлечен, чтобы думать о мелочах. Ни один мошенник не может быть достаточно умным, чтобы контролировать каждый шаг, –

общий факт, который снова и снова иллюстрирует в опыте человека ту основополагающую истину, что в корыстном и физическом, а также в высоком и духовном смысле нет ни мудрости, ни выгоды вне пределов абсолютной целостности и непоколебимой прямоты.

Детектив с легким сердцем отложил бумаги в сторону, понимая, что наконец-то полностью овладел ситуацией. Ниже Кэмдена по дороге почта помещалась в магазине только в двух местах, и ни в одном из них наперстки не продавались. Клюв безошибочно указывал на воронье гнездо как на место, где только и можно было найти необходимые условия, чтобы объяснить отпечаток на нарушенной печати. Офицер направился туда, и в тот момент, когда его взгляд остановился на Майкле Махони-младшем, он узнал черты лица вора, заклеянного небесами.

Вернувшись в Сиу-Сити, он телеграфировал другому агенту, у которого было много дел, связанных с грабежами, чтобы тот немедленно приехал. Двое мужчин заняли места по обе стороны Вороньего Гнезда, и через тридцать часов они арестовали молодого преступника, который в промежутке украл четыре письма-Приманки и заплатил часть содержимого одному из офицеров, который проверял его.

Господин Фьюрей собрал с вора и его родственников всю сумму, украденную с почты в течение всего периода ограблений, возвращая деньги законным владельцам доллар за долларом. Молодой Махони сделал письменное признание, дополненное тремя или четырьмя записями, относящимися к предметам, которые, говоря его собственным языком, “сначала не приходили мне в голову”.— Его судили в феврале следующего года и приговорили к тюремному заключению сроком на три года.

Через пятнадцать дней после того, как двери тюрьмы закрылись за сыном, Старый злодей-отец, действуя, возможно, исходя из теории, что два выстрела никогда не попадают в одно и то же место, начал также грабить почту. В назначенное время господин Фьюрей снова появился на сцене и взял старого негодяя под стражу. Когда начался судебный процесс, один важный свидетель обвинения отсутствовал, и отсутствие его показаний оказалось фатальным для дела, так как, проведя день и ночь на виселице, присяжные вынесли оправдательный приговор.

Заблудший Пастух

Изобретательность и упорство братства мошенников сравнимы только с доверчивостью и терпением тех, кого они обманули. В смутные времена, последовавшие за войной, огромные состояния были внезапно приобретены классом мошенников, которые действовали на доверчивость публики через подарочные предприятия, лотереи и другие родственные схемы. Большинство крупных концернов основали свои штаб-квартиры в Нью-Йорке, наводнив всю страну, особенно юг и Запад, литографскими циркулярами, написанными, по-видимому, пером исключительно в интересах получателя, и показывающими, как можно надежно заработать состояние, перечисляя определенные суммы в соответствующие дома. Некоторые из фиктивных фирм просто прикарманивали деньги корреспондентов, не претендуя на то, чтобы предоставить какой-либо эквивалент; в то время как другие, не более честные, но немного более продуманные, посылали бесполезные драгоценности и другие вещи бушелем.

Один из самых злодейских и в то же время успешных приемов был построен на предложении фальшивой валюты с большой скидкой. По существу, циркуляры, исходившие от разных партий и от одних и тех же партий под разными названиями, были все одинаковы. Они обычно начинались с коварного комплимента в адрес адресата, в том смысле, что из заслуживающих доверия источников автор слышал о нем, как о человеке более чем обычных способностей и проницательности и, ободренный высокой оценкой его способностей людьми, достаточно компетентными, чтобы судить, автор выбрал его в качестве того самого человека, который поможет обеспечить состояние для них обоих с "абсолютной безопасностью". В циркуляре обычно говорится, что автор – первоклассный гравер, действительно "один из самых опытных в Соединенных Штатах", в то время как его партнер – первоклассный печатник. Следовательно, фирма обладает непревзойденными возможностями для имитации национальной валюты. Получатель особенно остерегается класса негодяев, которые наводняют город Нью-Йорк и рекламируют по всей стране товары, которые он производит, но не посылают ничего, кроме мусора. "Подлинный доктор Джейкобс" безжалостно отчитывает целое племя мошенников, чьи негодяи развращают и навлекают позор на торговлю. Он призывает джентльмена, пользующегося большой репутацией "проницательного и осторожного человека", соблюдать предельную осторожность при проведении операций и дает ему четкие указания, как направлять деньги на покупку.

Несколько лет назад один проповедник Евангелия, расквартированный неподалеку от северной границы республики, получил по почте одно из соблазнительных посланий фирмы "Рэджем и Ко." из Нью-Йорка. Мошенник начал с обычных комплиментарных намеков на особую личную пригодность священника для предполагаемого предприятия и продолжал утверждать, что в обмен на подлинные деньги, "Рэджем и Ко." снабдили бы в пропорции пятьдесят к одному имитациями настолько совершенными, что самые опытные банковские служащие не смогли бы отличить их друг от друга. Преподобный Захария Сапп—таково было благозвучное имя проповедника – внимательно изучив лестное предложение, положил документ в карман своего сюртука для удобства ознакомления. Поразмыслив день или два, он решил написать в "Рэджем и Ко." для получения более подробной информации.

Со свойственным гильдии чутьем угадав характер рыбы, клюнувшей теперь на голый крючок, плут решил рискнуть немного наживкой и, соответственно, прислал ответной почтой подлинную однодолларовую бумажку с письменным приглашением как для ответа, так и для личного ознакомления.

Никогда прежде преподобный Захария Сапп не подвергал лист бумаги такому тщательному изучению. И невооруженным глазом, и под микроскопом— пережиток студенческих дней—он изучал гравюры и филигранные работы. Деталь за деталью он сравнивал предполагаемую имитацию с купюрами известной подлинности, не находя между ними ни малейшего

различия. Бумага, печать и гравировка казались абсолютно совершенными. Пока шло исследование, воображение священника парило в эмпиреи ослепительных ожиданий. Зачем продолжать тяжко трудиться за небольшие гроши, когда золотые яблоки висят в пределах легкой досягаемости? Зачем влачить нищенское существование, когда ему предложили богатство и его радости?

Захария, однако, был благоразумен и бережлив – даже более бережлив в глазах прихожан, чем подобает тому, кто по праву веры имеет право собственности на небесные особняки. Почти так же скоро он рискнет своим будущим наследством, как рискует в сомнительной авантюре несколькими сотнями долларов, аккуратно скопленными на черный день благоразумием и экономией.

Не желая полностью полагаться на собственные суждения, он довольно неохотно решил навестить банкира в соседнем городе, с которым имел небольшое знакомство. Обдумывая этот вопрос, он был сильно озадачен, чтобы решить, как начать эту тему. Конечно, он не мог позволить кассиру разгадать его тайную цель, и все же его угнетало смутное сознание, что только полупрозрачная пленка скрывает его мысли от мира. Раз или два, когда он ехал по незнакомому делу, слабый и нерешительный, он почти решился повернуть назад, но жадность в конце концов взяла верх, и он продолжил идти в деревню.

Сделав сильное, но безуспешное усилие, чтобы казаться спокойным, он неторопливо вошел в банк. После обычного обмена приветствиями он нервно сказал, – брат Хайд, поскольку я шел сегодня сюда, чтобы навестить брата Томпкинса, я взял на себя смелость зайти и задать вам вопрос по одному вопросу из вашей области.

– Очень хорошо, – ответил банкир, – я буду счастлив услужить вам.

– Несколько дней тому назад, – продолжал священник, – я заключил сделку с разносчиком, совершенно мне незнакомым, который, отдавая сдачу, дал мне несколько банкнот, которые, как я подозреваю, поддельные. Я хочу знать Ваше мнение.

– Пожалуйста, покажите мне их, – попросил Мистер Хайд.

Он взял из рук неверного пастора банкноту в один доллар и, внимательно изучив ее, спросил:

– Что с ней не так?

– Все хорошо? – спросил встревоженный хозяин.

– Жаль, что у меня нет такой, – ответил банкир. – В этой банкноте нет ничего подозрительного. С чего вы решили усомниться? Возможно, вы показали мне не то, что нужно. Дайте мне посмотреть на остальные.

– Остальные я, должно быть, оставил дома, – ответил священник, роясь в карманах своей записной книжки.

Выполнив свою миссию, не совершив, как он полагал, ни одного рокового промаха, Мистер Сапп завершил беседу несколькими банальными замечаниями и поспешил прочь, чтобы насладиться в уединении видениями будущего изобилия.

Когда последнее сомнение было удовлетворительно преодолено, планы будущего миллионера быстро обрели форму. Он мог бы собрать пятьсот долларов, которые по предложенному курсу обмена купили бы двадцать пять тысяч "абсолютно совершенных имитаций". Сумма казалась огромной, неисчислимой. Его воображение, до сих пор связанное узкими обстоятельствами отдаленной сельской жизни, пошатнулось, пытаясь ухватить концепцию такого огромного богатства. Подобно тайнам времени и пространства, она казалась слишком грандиозной для понимания. Затем его мысли перешли в другое русло. Какие благородные люди были "Рэджем и Ко.". Почему среди сорока миллионов людей они выбрали именно его, неизвестного священника, живущего в безвестном месте за сотни миль от столицы, в качестве избранного получателя несметных богатств? Конечно, это особое Провидение. Ни один воробей не упадет на землю без Его ведома. Он следит за своими чадами. Внезапно заблудший священник

чувствует, как что-то сильно дергает его за сердечные струны. Какое право имеет он, собираясь предать священное доверие и участвовать в операциях, заклеянных позором по законам страны, требовать бдительной заботы Провидения? Разве всевидящее око не последует за ним? Не ударит ли его в гневе всемогущая рука? Бедняга вытирает холодный пот со лба и думает, окупится ли это.

Но он слишком долго бледнел, и теперь дьявол требует его к себе.

Вернувшись домой, Сапп написал в "Рэджем и Ко." с указанием количества имеющихся у него ресурсов и сообщением, что в определенный день и час он встретится с ними в назначенном месте. В следующее воскресенье после окончания дневной службы прихожане были поражены необычным заявлением с кафедры.

Прежде чем произнести благословение, пастор сказал: "я пользуюсь этой возможностью, чтобы сообщить вам частицу личной информации, которую я до сих пор держал в секрете. По завещанию родственника, который недавно умер в штате Мичиган, я унаследовал большую сумму для меня, с моими скромными потребностями, очень большую сумму. По предварительной договоренности я должен встретиться с душеприказчиком на этой неделе в Нью-Йорке, чтобы получить первый взнос наследства. Я не собираюсь покидать вас, мои дорогие прихожане, но останусь среди вас и буду трудиться вместе с вами, как делал это много лет. По крайней мере, значительную часть своего наследства я намерен вложить в эту общину, чтобы соседи и друзья могли совместно участвовать в моем процветании. Я надеюсь, что меня направят на мудрое использование талантов, столь неожиданно и, можно сказать, провидчески вверенных мне. Из Священного Писания мы знаем, что богатство влечет за собой большую ответственность, и что мы будем строго отвечать за то, как мы его используем. Пусть ваши молитвы пребудут со мной".

Прихожане столпились вокруг пастора с поздравлениями. Особенно показательны были восторги двух или трех братьев, которые видели возможность обменять различные непроданные вещи на кусочки наследства.

Мистер Сапп прибыл в Нью-Йорк вечером, и важная встреча должна была состояться на следующий день рано утром. Сон приходил короткими и прерывистыми обрывками. Но звезды продолжают вращаться в своих величественных сферах, невзирая на надежды и страхи смертных. Наконец наступил день, когда проповедник встал с постели встревоженный и не отдохнувший. Незадолго до назначенного времени он проследовал в одно здание и, поднявшись на два лестничных пролета, увидел перед собой магический номер на двери. Когда часы пробили, он вошел. Согласно заранее обдуманному плану, он вытер правый уголок рта белым носовым платком и трижды кивнул. Единственный человек в комнате, хорошо одетый и по-видимому приветливый джентльмен, ответил, вытирая левый уголок рта красным шелковым платком и кивая три раза. На сигнал отвечают правильно: это он! До сих пор все работает прекрасно, и каждое обещание выполняется. Купюра была совершенной имитацией, гравер находится здесь.

Парень, проходящий под именем "Рэджем и Ко.", встретил новоприбывшего радушно.

– Ах, – сказал он, – ваша быстрота и осмотрительность показывают, что я не разочарован в своем человеке. Я вижу, что вы полностью оправдали мои ожидания. Знаете ли вы, что я прекрасно разбираюсь в людях? На самом деле, я редко или никогда не ошибаюсь. Нам обоим повезло.

– Я был приучен к пунктуальности с ранней юности, – ответил священник и, перейдя непосредственно к делу, без дальнейших околичностей продолжил, – мне удалось собрать пятьсот долларов, что дает мне право по договору на двадцать пять тысяч.

Вынув из внутреннего кармана несколько булавок, он извлек шесть стодолларовых банкнот и пояснил, – для большей безопасности я перевел свои деньги в банкноты большого достоинства. Одну я оставляю на случай непредвиденных обстоятельств, остальные пять – для вас.

– Ваши деньги здесь, в сейфе, – сказал Рэджем, беря пять банкнот и поворачиваясь к сейфу, как будто хотел открыть его. Но негодяй, очевидно, рассудил, что было бы глупо довольствоваться пятью, когда он с такой же легкостью мог бы взять и шестую.

Возвращаясь, он сказал, – я хочу показать вам, что мои большие банкноты так же хороши, как и маленькие, – и, как бы для сравнения, взял оставшуюся банкноту из рук священника.

В этот момент раздался страшный стук в боковую дверь, угрожавший быстрым разрушением хрупкого барьера.

– Беги, беги, – прошептал яростный голос, словно охваченный ужасом, – полицейская облава.

Проповедник не нуждался во втором приглашении, страх разоблачения давал крылья его ногам. Почти бегом он преодолел два лестничных пролета и вышел на улицу, пройдя несколько кварталов и завернув за несколько углов, прежде чем осмелился оглянуться.

Добросовестный обитатель комнаты, где встретились эти лица, не имел никакого отношения к совершавшимся там гнусным сделкам. Благодаря предательству дворника мошеннику было позволено в определенные часы пользоваться квартирой для свиданий со своими жертвами. Сообщник, находящийся снаружи, сильно стучал, как только клиенты были ошипаны, и нужно было избавиться от их компании. Случайные намеки на неподобающие методы доходили до ушей настоящего арендатора, но они еще никогда не принимали такой формы, так как жертвы мошенников молчали.

Через два-три часа Мистер Сапп набрался храбрости и вернулся. Поднявшись по лестнице, он осторожно вошел в комнату. Его напарника там не было. Рослый джентльмен, который, по-видимому, был хозяином дома, вопросительно взглянул на него и был немало озадачен, когда посетитель дополнил свое представление вытиранием правого угла рта тремя неторопливыми кивками.

– Чем могу быть вам полезен сегодня? – спросил джентльмен, вставая.

– Я полагаю, вы партнер Мистера Рэджема, – ответил Сапп. – Я вижу, он вышел. К сожалению, наши утренние дела были прерваны полицией, и я вернулся, чтобы завершить их.

– Какие дела? – спросил хозяин с нескрываемым удивлением.

Теперь проповедник сделал вполне естественную ошибку, предположив, что удивление, проявленное его собеседником, было просто вопросом политики и осторожности. Поэтому он принялся объяснять.

– Рэджем должно быть сказал вам. Я тот самый джентльмен, который дал ему пятьсот долларов, а он сказал, что мои двадцать пять тысяч закрыты в сейфе.

– Хозяин не стал дожидаться продолжения и, схватив испуганное существо за шиворот, прогремел, – я уже слышал о тебе. Ты тот самый негодяй, который превратил мой кабинет в логово воров? Наконец-то я тебя поймал!

Очнувшись от частичного понимания ситуации, бедняга пробормотал, – должно быть, произошла какая-то ошибка. Меня зовут А-А-а Смит, Джон Смит.

– Джон Смит, не так ли? – прорычал хозяин. – Ну, все, что я могу сказать, Джон Смит, если ты не самый большой, то самый распространенный негодяй в городе. Джон, пойдем в полицейский участок.

И пошел Иоанн, и волны беды накатили на него, как воды Красного моря сомкнулись над фараоном. Тщетны усилия вспомнить утешительные тексты, относящиеся к этому случаю! Он действительно был жестоко наказан, но раны были нанесены не в любви, а в гневе. Он скорбел, но откуда ему было искать утешения?

Чтобы избежать худшей участи, заключенный раскрыл свою личность, предъявил корреспонденцию от "Рэджем и Ко." и сделал полное изложение фактов. Эта печальная весть достигла церкви вскоре после возвращения пастора, когда его проповедническая карьера подо-

шла к позорному концу. Вскоре он удалился на дальний запад, надеясь похоронить свой позор в тени первобытного леса.

Грехопадение преподобного Захарии Саппа звучит предупреждением и без его проповедей. Единственный верный путь в борьбе с искушением заключается в том, чтобы с самого начала отразить его коварные подходы. Тот, кто терпеливо слушает шепот Сирены, уже наполовину потерян. Человеческий опыт в изобилии подтверждает божественную мудрость заповеди "Отойди от Меня, Сатана", как единственный надежный способ встретить наступление зла. В конце хорошо прожитых, полезных жизней мириады людей могут благодарить доброе Провидение не за то, что они оказались сильнее других, кто оказался не таким, как все, а за то, что их испытывали меньше. Идя среди невидимых опасностей, никто не может без угрозы разорения сбросить даже на мгновение доспехи честности и истины.

Претендент в Конгресс

Несколько лет назад "Достопочтенный" Джон Уимпери Брасс из Джорджии, один из "вдумчивых патриотов" того времени, который время от времени находил время, чтобы отложить заботы о государственном управлении и заняться своими маленькими частными делами, соблазнился заманчивыми предложениями "Wogan & Co." из Нью-Йорка, и написала в этот несколько мифический концерт письмо с предложением стать их агентом по распространению "фальшивок". Даже получив первый взнос за свой товар, почтенный джентльмен не понимал, что фирма имеет дело исключительно с опилками, а не с валютой. Он написал еще раз, жалуясь, что после шестидесятимильной поездки по ухабистой дороге до ближайшей надежной курьерской конторы не нашел ничего, кроме ничего не стоящего пакета с надписью "С. О. Д.", ожидающего его. Может "Wogan & Co." не доверяют его чести или верности? Он осмелился заявить, что ни один человек в государстве не может служить им так эффективно. Он только что баллотировался в Конгресс и, хотя был избит на выборах "мошенников", намеревался оспорить это место с шансами на успех в свою пользу. Горцам, среди которых он жил, было безразлично, хороши или плохи деньги в их карманах, пока они циркулировали. Он мог выпустить на поверхность тысячи фальшивок, не опасаясь, что их обнаружат. Его избиратели верили в него и поддерживали его. Валюты в этом конгрессменском округе было очень мало, и его народу было бы очень полезно дать им больше. После изложения взаимной выгоды, которую можно извлечь из доверия к нему, он обратился к компании "Wogan & Co." с пылкостью и энергией швейного машиниста или агента по страхованию жизни, чтобы отправить товар без дальнейших задержек. Они никогда не должны сожалеть о том, что имели с ним дело, его характер и положение были достаточной гарантией того, что он не мог притворяться. Он действовал добросовестно и ожидал такого же обращения в ответ.

К несчастью для политических устремлений "достопочтенного" Джона Уимпери Брасса, власти вскоре после этого совершили налет на логово "Wogan & Co.", где нашли великое множество писем от доверчивых дураков, и большой запас опилок—их единственный запас в торговле. Послания предполагаемого конгрессмена были опубликованы, что позволило получить гораздо более широкую валюту, чем он предлагал дать поддельным долларам. Предполагалось, что этот шумный малый ускользнет в какую-нибудь пещеру в своих родных горах и никогда больше не покажется с наглой физиономией среди честных людей. Но наглость "достопочтенного" Джона Уимпера Брасса поднялась до уровня чрезвычайной ситуации. Вместо того, чтобы спрятаться или повеситься, он опубликовал статью, в которой говорилось, что он вступил в схему с целью захвата "Wogan & Co." и привлечения их к ответственности.

Жалким было зрелище, свидетельствовавшее о доверии простодушной души к собственной доблести, о добровольце-сыщике, выкапывающем параллели на южных отрогах Голубого хребта для поимки хитрого мошенника за тысячу миль отсюда! Вооружившись зернышком кукурузы, отважный гусенок отправляется ловить злую лису, которая охотится на стадо! Если отважные горцы, окружение "достопочтенного" Джона Уимпери Брасса, не могут похвалить благоразумие, проявленное проектором "Энтерпрайза", они, несомненно, должны восхищаться его отвагой. Несмотря на все трудности, мало кто из гусят пойдет добровольцем.

Возможно, эта статья была бы принята более доверчивым классом сочувствующих, как удовлетворительное объяснение писем, если бы честолюбивый государственный деятель со временем не попал под суд за махинации с пенсиями вдов; кампания против "Wogan & Co." настолько истощила добродетель этого любителя, что у него даже ничего не осталось для последующих махинаций.

Судьба Сэта Сэвиджа

Одно время мошенники-лотерейщики вели успешный бизнес, но совместные усилия Почтового департамента и законодательных органов Соединенных Штатов в последнее время, довольно эффективно загнали их в дикую местность. Менеджеры питаются тем же классом людей, что и мошенники с опилками, добывая списки имен таким же способом. Распространенный метод процедуры заключается в том, чтобы вместе с объявлениями о призах вместе с местом и датой розыгрыша вложить один или несколько должным образом пронумерованных билетов. Большое доверие выражается в личной пригодности адресата, которому предлагается выступить в качестве агента по продаже билетов. Через несколько недель предполагаемой жертве посылается еще одно письмо, в котором сообщается, что билет данного номера, пересланный ему в такой день, получил приз, стоимость которого варьируется от нескольких сотен до многих тысяч долларов. Затем его просят немедленно выслать десять долларов (больше или меньше) за билет, возможно, еще десять или двадцать как дополнительную плату, и обещают полную номинальную стоимость приза немедленно отправить экспресс-почтой, чеком в Нью-Йорк или любым другим способом, который может быть удобен получателю. В заключение автор ловко намекает, что он желает, чтобы счастливчик показал деньги своим соседям, сообщая, как он их получил, и упоминая, в частности, адрес агента, у которого был куплен билет, с целью создать волнение в этом месте с целью больших продаж для следующего розыгрыша.

Даже в таком прозрачном трюке, как этот, жертвы исчисляются тысячами, а разоблачения и предупреждения одинаково игнорируются. Увлечение определенного класса невежественных и легковверных людей хорошо иллюстрирует случай с Сетом Сэвиджем, бедняком, владевшим несколькими акрами земли в окрестностях небольшой деревни в Вермонте. Однажды, когда специальный агент с большим опытом работы случайно оказался на почте, Сет получил письмо, прочтение которого повергло его в неистовое возбуждение.

– Что случилось? – поинтересовался почтальон – У тебя похоже хорошие новости.

– Послушай, – ответил Сет, держа послание в своих сморщенных костлявых пальцах, – вот уже почти шестьдесят пять лет, господин Мартин, я работаю и работаю, и работаю ради пропитания. Теперь, когда я почти стар, мало радуюсь подобному, и удача приходит ко мне.

– Это так? – спросил господин Мартин. – Я очень рад, но скажи мне, в чем дело? Все твои соседи будут рады услышать о твоей удаче.

– Читай, – сказал Сет, торжествующе протягивая ему письмо.

Почтальон прочел письмо. Некий Девитт из Нью-Йорка оповещает господина Сэвиджа, что некий билет, присланный ему месяц назад, принес выигрыш в три тысячи долларов; что по получении тридцати пяти долларов в письме, составленном заранее, согласно инструкции, вся сумма будет ему переправлена.

– Конечно, Сет, – упрекнул его почтальон, – тебя же не проведешь так просто. Девитт – обманщик, мошенник.

– Откуда тебе знать? – спросил Сет. – Он тебя обманул когда-то?

– Я не имею дела с такими людьми, – мягко возразил господин Мартин. – Я не люблю, когда кого-то обижают, особенно соседа. Вот джентльмен, который знает все о таких вещах. – И Сета официально представили специальному агенту, который постарался полностью объяснить суть аферы.

Офицер покинул деревню с приятной уверенностью, что его краткий визит по крайней мере способствовал спасению одного несчастного человека из пасти пожирателя.

Однако Сета это не убедило. Продав свою единственную корову, он сумел довести скудный запас наличности до требуемой суммы и отослал ее Девитту, вполне рассчитывая, что через несколько дней сможет ошеломить почтальона демонстрацией своего новоприобретен-

ного богатства. Дурачок, вложивший в это предприятие немалую часть своих скудных средств, ждал долго, если не терпеливо. Наконец, когда иссякла последняя надежда, господин Мартин спросил, – как случилось, Сет, что ты выбросил свои деньги на эту лотерейную аферу, когда мы показали тебе, что все это было обманом?

– Раз все и так потеряно, – ответил Сет. – Я расскажу тебе, как это было. Человеческая природа "подозрительна по сути". Я не хотел, чтобы ты и этот другой почтальон получили приз для себя; я не хотел, чтоб меня одурачили.

Неожиданно исполненное желание

Когда мошенники-лотерейщики были изгнаны из больших городов энергичными почтовыми властями, они некоторое время пытались действовать из маленьких сельских городов, вступая в сговор с нечестными почтальонами. По мере того как преступления последовательно выявлялись, их головы скатывались в корзину у подножия официальной гильотины. Мошенникам, однако, удалось подкупить новых жертв, и какое-то время хитрость и двуличие с терпимым успехом удерживали плацдарм против власти департамента.

Среди других подобных мошенничеств, в свое время по более отдаленным Штатам были разостланы запечатанные циркуляры, объявляя, что в определенный день состоится розыгрыш серии великолепных призов в Ливингстон-холле, № 42 Элм-Авеню, Уингтон-Джанкшн, Коннектикут. Меценатов убедили в срочном порядке перечислить деньги за билеты, так как ни при каких обстоятельствах нельзя было откладывать грандиозное событие: "Фортуна, – продолжала сверкающая реклама, – стучится ко всем сразу, а теперь стучится и к вам".

Как обычно, многие проглотили наживку, но некоторые, вместо того, чтобы отправить зеленые доллары в Highfalutin & Co., переслали циркуляры в департамент. После этого специальному агенту Шарреттсу было поручено посетить Уингтон-Джанкшн, чтобы выяснить, правильно ли почтмейстер исполняет свои обязанности. Как-то утром, воспользовавшись ранним случаем для выполнения задания, он сошел на станции и стал осматривать город, состоявший из четырех или пяти домов, разбросанных вдоль шоссе на расстоянии полумили. "Ливингстон-Холл" и "Элм-Авеню" нигде не было видно. Было очевидно, что "номер 42" на любом проспекте был отдаленной случайностью, которая вряд ли возникнет в нынешнем поколении.

Предварительно удостоверившись, что почтмейстера исполняет также функции стрелочника на перекрестке, а заботы о конторе возложены на его жену, офицер подошел к строгому на вид человеку, стоявшему перед маленькой круглой стрелочной будкой, вся энергия которого в этот момент была направлена исключительно на жевание огромного фунта табаку, и который, после долгого разглядывания незнакомца, ответил на его приветствие приглушенным протяжным голосом: – Доброе утро, сэр.

– Не будете ли вы так любезны сказать мне, сэр, где можно найти мистера Морриса, почтмейстера? – спросил агент.

– Ну, кажется, меня зовут Моррис. Как я могу вам помочь?

– Господин Моррис, мне бы хотелось несколько минут побеседовать с вами наедине по очень важному делу, которое может оказаться выгодным для нас обоих. Я не хочу, чтобы меня подслушивали или прерывали. В наше время даже глухие стены имеют уши.

Последнее предложение, по-видимому, послужило пропуском к доверию почтмейстера. Направляясь к коммутатору, он сказал: – Входите. Итак, что же это такое?

– Дело в том, господин Моррис, что кое-кто из моих друзей собирается заняться мелкими спекуляциями, которые повлекут за собой большую корреспонденцию, и по причинам, которые я не стану объяснять такому человеку, как вы, они не хотят, чтобы каждый оборванец – бобтейл, служащий почты, корпел над их письмами и задавал дерзкие вопросы в окошке доставки. Если им удастся найти умного, уравновешенного человека, который умеет держать язык за зубами и которого не проведешь, который за приличное вознаграждение упрячет письма в безопасное место, пока их не потребуют, они готовы заключить соглашение, которое будет выгодным для всех. Вас рекомендовали именно как такого человека. Мне сказали, что вы обычно знаете, с какой стороны ваш хлеб намазан маслом, и меня попросили узнать, не можем ли мы договориться о встрече.

– Ну ты сказал, – воскликнул Моррис, лукаво подмигнув. – Я знаю, чего ты хочешь, но моя жена сама все уладит. Мне нечего делать с этими письмами. Сюю все сделает. Люди,

работающие на нас, сказали, что мы должны быть очень осторожны с проверяющими. Держу пари, что им не вычислить мою жену.

С этими словами он высунулся в окно и крикнул: – Сью, Сью!

Когда звук затих вдали, высокая костлявая женщина, на щеках которой за несколько лет до этого поблек румянец юности, вышла из боковой двери двухэтажного коттеджа, расположенного примерно в восьмидесяти шагах от нее, и быстрым шагом направилась к коммутатору, где ее представили незнакомцу как "моя жена."

После небольшой предварительной перепалки она пригласила агента зайти в коттедж. Будучи должным образом препровожден в "лучшую комнату", он приукрасил для нее историю, уже рассказанную мужу.

– Я думаю, что помогу вам, – вырвалось у нее, – но вам придется хорошо заплатить за это. Я знаю, как это все делается, но если нас обнаружат проверяющие, то нам конец.

Ее условия были десять долларов в неделю. Highfalutin & Co. заплатили шесть, но теперь она разбиралась в этом деле гораздо лучше, чем когда заключала с ними сделку. Агент счел цену довольно высокой, но в конце концов согласился заключить контракт на эту сумму.

– Мадам, откуда мне знать, может быть, кто-нибудь из этих "проверяющих" придет в себя и, увидев мои письма, поставит меня в затруднительное положение?"

– Ну что ж, законы милосердны, – сказала она, – не пасуйте, вы же шутите, предоставьте это мне. Все эти письма я прячу здесь в бюро, – сказала она, указывая на предмет мебели в углу.

– Это безопасное место? – спросил агент.

– Да, – ответила женщина. – Как сторожевая башня. Ключ всегда в кармане.

Она усмехнулась, рассчитывая на понимающую улыбку, восхищаясь собственной сообразительностью.

– Я полагаю, что тайник достаточно надежен, – ответил офицер с видом человека, который хочет, чтобы его убедили, так как он еще не достиг полной уверенности.

– Вы, кажется, очень щепетильны и вам трудно угодить, – продолжала Миссис Моррис, – но если вы не верите в это, то идите и посмотрите сами.

Она подошла к бюро, открыла ящик и, подняв клетчатый хлопчатобумажный носовой платок, выставила на всеобщее обозрение контрабандные письма. Все они были направлены в лотерейную фирму и время от времени передавались посреднику, когда ему было удобно за ними заехать. Поскольку ни одна из таких фирм не вела дел в Уингтон-Джанкшн, почтмейстер обязан был пересылать письма в департамент, как фиктивные и не подлежащие доставке, все письма с адресом мошенников. В подобных случаях пренебрежение правилами рассматривалось как достаточное основание для немедленного увольнения.

Довольный результатом осмотра более, чем предполагала женщина, офицер продолжил, – я вижу, вы очень разборчивы в своих методах ведения дел и не хотите, чтобы вас застали врасплох. Соглашение, которое мы собираемся заключить, очень важно, и, поскольку вы не почтмейстер, ваш муж должен присутствовать, чтобы засвидетельствовать и утвердить сделку.

– Бог с вами, – ответила она, – все нормально. Я веду весь бизнес. Мой муж в это даже не вмешивается.

– Сударыня, – отвечал офицер, – простите меня. Я учился в большом городе и привык обращать внимание на каждую мелочь. Ваш муж является главным в этом деле и должен ратифицировать соглашение, чтобы сделать его обязательным. Конечно, вы получите все преимущества, но его присутствие необходимо как вопрос формы.

Очевидно, удовлетворенная, она позвала "Джона", который немедленно откликнулся на вызов.

– Господин Моррис, – сказал офицер, – ваша жена согласилась сохранить мои письма для меня.

– А как же, – вмешался почтмейстер. – Я знал, что она так сделает. Ты увидишь, что она все сделает правильно. Никто не сравнится с ней в хитрости, правда, Сью? Я бы хотел, чтобы кто-нибудь из этих, проклятых проверяющих, появился, чтобы посмотреть, как она обведет его вокруг пальца. Вот бы повеселились. – И он позволил себе громко расхохотаться над абсурдностью предположения, что кто-то может сравниться в хитрости с его любимой Сью.

– Письма будут приходиться по этому адресу, – сказал агент, вынимая у почтмейстера свое поручение и показывая его паре.

С первого взгляда поняв, в чем дело, Моррис подпрыгнул на несколько дюймов, хлопнул себя по бокам и воскликнул: – проверяющий, все таки здесь, ну и ну!

– Значит, мы разорены, – вставила Сью с грустной усмешкой.

Так оно и случилось. Письма Highfalutin & Co. Отправились в Вашингтон, а Моррис уволился с почты, но то, что Сью обошли, ранило его больше, чем потеря места.

8 июня 1872 года был принят закон, предусматривающий уголовную ответственность за использование почтовых отправлений с целью обмана других лиц, проживающих в Соединенных Штатах или за их пределами. Генеральный почтмейстер был также уполномочен запретить выплату почтовых денежных переводов лицам, занимающимся мошенническими лотереями, дарственными предприятиями и другими схемами обмана населения, и почтмейстерам поручили возвращать письма отправителям, со словом "мошеннические", написанным или отгиснутым снаружи, все заказные письма, адресованные таким лицам или фирмам. До введения в действие этого закона самые массовые и неприкрытые операции проводились профессиональными мошенниками, главным образом через средства, предоставляемые почтой, с почти абсолютной безнаказанностью. Письма, адресованные фиктивным фирмам, действительно пересылались из отделов доставки в департамент как "фиктивные" и "не подлежащие доставке", и многие тайные почтальоны были обезглавлены. Такие мелкие военные меры служили лишь для того, чтобы досадить вампирам и подогреть их дьявольскую изобретательность для изобретения новых устройств. Однако с тех пор, как вступил в силу закон 1872 года, негодяи вынуждены были идти по тернистой дороге. Были произведены десятки арестов, и во многих случаях преступники были приговорены к тюремному заключению.

Даже перечислять приемы, которые с большим или меньшим успехом пробовали разные мошенники, было бы выше наших возможностей. Подарки различных видов являются наиболее распространенными и печально известными способами мошенничества, образуя отдельную отрасль бизнеса; но способов выманивания у доверчивых людей действительных денежных средств ради мнимых выгод, неисчислимо количество. Несколько примеров приведены здесь в качестве иллюстраций.

Возрождение старой игры

18 сентября 1875 года в Западной Вирджинии был арестован человек, который посылал жертвам письма, копия которых приводится ниже:

– В прошлую субботу от апоплексического удара умерла дама, которая жила вместе со мной. Она оставила сундук со следующим имуществом: одни очень красивые женские золотые часы и цепочку, одно женское золотое ожерелье, шесть женских колец, серьги и много дамской одежды. Среди прочего было письмо, адресованное вам. Я полагаю, что вы родственник покойного и хотите, чтобы сундук переслали вам. Когда мисс Томпсон умерла, она оставила неоплаченным счет за пансион на сумму \$ 20.50. Пожалуйста, пришлите эту сумму обратной почтой, и сундук будет отправлен вам немедленно.

Вместо того, чтобы перечислить деньги, как скромно просили, получательница одного из этих писем, дама, проживающая в Пенсильвании, послала письмо мэру города, где оно было датировано и получило почтовый штемпель, а затем было передано специальному агенту Шаллкроссу, и ему в течение одного-двух дней удалось поймать негодяя.

Эта особая форма игры в доверие очень стара, однако, в год Господа нашего тысяча восемьсот семьдесят пятый мошенник с ее помощью преуспевает. Он не только обеспечивает себя, но еще и умудряется щеголять с яркой женщиной!

Там, где письма адресованы мужчинам, предметы, обнаруженные в воображаемом сундуке, изменяются в соответствии с мужскими привычками и желаниями. Хотя авторы данных писем получают и ответы, среди которых есть довольно занимательные. Нижеследующее письмо, датированное давным-давно из небольшого городка на юге, может служить образцом:

Полковник СНОУДЕН,

– Дорогой сэр, ваше письмо получено, и вы говорите, что Джон мертв. Бедняга! Я всегда этого ждал. Смерти случаются в семьях. Внезапно умер от обжорства – съел слишком много яблок. Ну, я всегда думал, что Джон навредит себе, поедая яблоки. Я полагаю, вы его похоронили. Вы ничего не сказали о расходах на похороны. У него был сундук, золотые часы в нем, и т. д. Ну и ну, какое неожиданное наследство! Но иногда происходят странные вещи. Никогда не думал, что мне так достанутся золотые часы. И часы у него были в сундуке, не так ли? Бедняга! Он всегда был так разборчив в своих часах. У него было два револьвера. Что же это такое? Я никогда не слышал, чтобы Джон что-нибудь говорил о них. Ну, вы были так добры, что написали мне; просто сохраните вещи, вы можете их забрать, но золотые часы, пришлите мне с курьером. Пошлите как можно скорее.

Искренне ваш,

ГЕО. СТРИМ

П. С. Моя теща говорит, что если будете проездом, звоните. Ей нравится знакомиться с такими хорошими, добрыми людьми.

Можно с уверенностью заключить, что "полковник Сноуден" так и не принял приглашение позвонить от гостеприимной тещи.

Грозное оружие

Летом и осенью 1875 года по всей стране были разсланы циркуляры, а в еженедельных выпусках нескольких ведущих газет Нью-Йорка и других крупных городов появились объявления, в которых говорилось о редких достоинствах оружия уничтожения под названием "Новый дешевый семизарядный револьвер Аллана". В качестве образца остроумного описания здесь воспроизводятся наиболее заметные части циркуляра:

“Представляя этот триумф механического гения американской публике, уместно сказать, что он не является совершенно новым изделием, но что в последнее время он был улучшен по внешнему виду; простота конструкции и точность делают эту модель во многих отношениях лучше тех, что были сделаны до этого. Производители, усовершенствовав условия для быстрого и дешевого изготовления револьвера, снизили цену до одного доллара пятидесяти центов; и хотя прибыль за один револьвер невелика, эта цена делает его доступным для всех.

Мы хотим, чтобы человек четко понимал, что это не дешевое, ни на что не годное "игрушечное ружье"; и хотя никто не может ожидать, что оно будет "серебряным" за \$1.50, они смеют надеяться, что улучшенный семизарядник, так необходимый обществу, стоит своих денег.

Большое внимание уделяется настройке каждого револьвера, поэтому все они одинаково хороши и надежны. В их производстве не обошлось без хлопот и расходов. Был изготовлен сложный и полный набор машин и калибров, с помощью которых все детали производятся совершенно одинаково, обеспечивая таким образом большую однородность в характере производимой работы.

Это замечательное оружие, одинаково полезное как для мира, так и для войны, предлагается уважаемой публике по низкой цене – \$1,50 за штуку, или \$13 за дюжину. Из-за дешевизны изобретатель предпочитает почту Экспрессу как средство доставки своих товаров. На самом деле он вообще отказывается покровительствовать экспресс-компаниям, если только предоплата в размере двадцати пяти процентов не сопровождает каждый заказ в качестве гарантии "добросовестности покупателя””.

Поначалу предприятие превзошло даже самые оптимистические ожидания своего создателя, письма с вложенными деньгами сыпались сотнями. В течение нескольких месяцев, однако, после первой публикации объявления, "этот триумф механического гения", хотя и "не совсем новая статья", существовал только в обширном мозгу джентльмена, который имел величие различить в несовершенной работе предшественников зачатки идеального совершенства. Не имея семизарядников для отправки, он был вынужден игнорировать требования ожидающего "путешественника, моряка, охотника, рыбака и т. д. Хотя он старательно откладывал в сторону все эти огласки, он совершенно забыл даже вспомнить своих покровителей, чтобы записать их имена.

В свое время, однако, "фабрика" вступила в строй, и семизарядники были фактически произведены. Механический "триумф", грубо сделанный из дешевой металлической композиции, является дубликатом игрушки, давно используемой мальчиками к радости друг друга и к досаде старших. Движущая сила находится в стальной пружине, которая имеет силу, достаточную, чтобы отправить заряд через большую комнату. Это оружие обойдется производителю примерно в шесть-восемь центов. Часть заказов была теперь выполнена, большая часть по-прежнему выбрасывалась в мусорную корзину, как и прежде.

На голову мошенника посыпались проклятия, громкие и проникновенные. Жалобы дошли до департамента, и специальный агент К. Э. Генри начал охоту на Wilcox & Co., из Виндзора, штат Огайо, ибо таково было направление в объявлениях и на циркуляре. Пройдя

несколько миль от ближайшей железной дороги, он нашел деревню, где должен был находиться завод.

Руководствуясь различными соображениями, он наконец подъехал к небольшому фермерскому дому, где жили родители Wilcox & Co.

– Я ищу Мистера Уилкокса из фирмы Wilcox & Co.

– Это я, – сказал юноша лет двадцати двух, лицо которого сразу же говорило о проницательности и хитрости. – Что вам угодно?

– Я хотел бы осмотреть Арсенал и оружейный завод, расположенные здесь, – ответил детектив, неторопливо оглядывая окрестности.

– Работы ведутся в Кливленде, – ответил великий изобретатель. – Вы можете увидеть их, позвонив туда.

– Но где же арсенал? Насколько я понимаю, он располагался именно здесь.

– Ваши сведения верны, – ответил молодой человек. – Вот он, через дорогу.

Бросив взгляд в указанном направлении, офицер увидел шаткий дровяной сарай размером примерно семь на девять футов.

Заметив улыбку удивленного недоверия, которая играла на лице его собеседника, Уилкоккс повторил с видом наполовину оскорбленного достоинства.

– Вот именно. Мы держим там наши семизарядники. Но послушайте, прежде чем все это пойдет дальше, я хочу знать, кто вы такой.

– Конечно, сэр, – ответил незнакомец. – Вы не найдете во мне ничего такого, что я хотел бы скрыть. Я – специальный агент почтового ведомства, и мое дело – арестовать вас.

– Но что я такого сделал, чтобы заслужить такой визит? – вопрошала юная невинность.

– Я буду счастлив разъяснить вам это, – ответил сыщик, – хотя боюсь, что просвещение придет слишком поздно, чтобы оказать вам большую услугу. Используя почту в целях мошенничества, вы нарушили законы страны и должны понести наказание.

– Но при чем тут мошенничество? – возразил Уилкоккс. – Я рекламировал семизарядник. Я ничего не говорил о револьвере. Он выстрелит семь раз, или в два раза больше, если вы только зарядите его. Если кто-то достаточно глуп, чтобы предположить, что я имел в виду револьвер, то это его проблема, а не моя.

– Мы не обязаны решать этот вопрос, – сказал специальный агент. – Это вопрос для суда и присяжных. Но вы должны поехать со мной в Кливленд. Так что готовьтесь.

Убедившись, что уговоры, доводы и увещевания бесполезны, великий механический гений собрал свою сумку, готовясь к путешествию. Оказавшись в пути, он стал общительным и объяснил причины, побудившие его пуститься в это предприятие.

– Во-первых, – сказал он, – я прочел жизнеописание Барнума и принял учение, что американцы любят, когда их обманывают. Я сам спланировал оружие, и, формулируя циркуляр, стремился охватить все пункты и держаться в рамках закона. Думаю, мне это удалось.

– Я позволю себе не согласиться, – возразил специальный агент. – Помимо общей лживости описания, есть конкретные утверждения, которые вы не можете оправдать.

– Я не вижу этого в таком свете, – ответил изобретатель семизарядника. – Я говорю: “Где бы они ни появлялись, они рекламируют себя”. – Ну, разве не так? Тот, кто его получит, будет склонен рассказать об этом своим соседям. Разве это не реклама сама по себе? Я также говорю: “продажа одного открывает рынок для дюжины в любом районе”, но заметьте, я не утверждаю, что в этом районе будет продано еще больше, даже если рынок открыт. Что касается моей гарантии, я гарантирую, что они будут такими же хорошими после трех лет использования, как и при первой покупке. Будете ли вы или любой суд ставить это под сомнение?

– Вас обвиняют в том, – сказал офицер, меняя тему разговора, – что вы пренебрегли многими заказами. Как вы это объясните?

– Ну, чтобы сделать оружие и заплатить почтовую пошлину, приходится ужасно сокращать прибыль, – последовал уникальный и характерный ответ.

Заказы начали поступать в ответ на циркуляр почти за пять месяцев до того, как первый стрелок вышел из рук фабриканта; и так как ни один из них никогда не был заполнен или даже записан, то невозможно подсчитать, сколько дураков долго следили за почтой в тревожном ожидании и, возможно, приписывали свое разочарование недобросовестности сотрудников отдела.

Конечно, газеты, напечатавшие это объявление, отвергли бы самозванца и разоблачили бы мошенничество, если бы узнали правду. Самые скрупулезные и осторожные издатели часто обманываются в характере рекламы, которая приходит по обычным каналам бизнеса и кажется правдоподобной в их глазах. На самом деле религиозные журналы являются излюбленным средством передвижения мошенников. Забота газетчиков не только о своей репутации, но и об интересах своих покровителей нашла свое отражение в переписке, найденной у Уилкокса. Влиятельный западный журнал адресовал ему две заметки следующего содержания:

“Джентльмены: мы часто получаем письма от подписчиков, которые говорят, что они не получают ответов на письма, которые они посылают вам, содержащие деньги для "7-зарядника". Ну и что скажете? Вы что, мошенники?”

Уилкоккс, хотя и был вполне способен ответить на эту загадку, не счел нужным этого делать, и поэтому 3 ноября те же самые стороны развернули свои силы, чтобы возобновить наступление.

"—, Ноябрь. 3, 1875.

“WILCOX & CO. Мы уже писали вам однажды, что наши покровители жалуются нам, что вы не выполняете их кассовые заказы и не отвечаете на их письма с запросами, почему вы этого не делаете. Мы получили так много таких писем, что мы подозреваем, что что-то не так, и, если вы не объясните удовлетворительно, нам придется разоблачить вас”.

Поскольку специальный агент прибыл в тот же день, что и следователь, молодой человек не имел возможности дать желаемое объяснение. В самом деле, сомнительно, чтобы человек, столь скромный и сдержанный в вопросах личных достоинств, ответил бы на этот вопрос, даже если бы было позволено потратить на это всю зиму.

Комиссар Соединенных Штатов, полностью признавая изобретательность циркуляра, несколько отличался от его автора в толковании его юридической конструкции и, соответственно, обязал его явиться в суд под залог в полторы тысячи долларов.

Сен-Жермен Бессмертный (авт. Эндрю Ланг)

Среди лучших кратких шедевров художественной литературы – "Призраки и привидения" Литтона и "Зарубка на топоре" Теккерея в местных газетах¹. Оба имеют дело с таинственным существом, которое проходит сквозь века, богатым, могущественным, всегда за кулисами, приходя неизвестно откуда, и умирая, или притворяясь, что умирает, неясно— вы никогда не найдете подлинных свидетельств его болезни. В другие более поздние времена, при других дворах, такой человек появляется вновь и идет тем же путем роскоши, чудес и скрытой мощи.

¹ Оба приведены в сопроводительном томе, содержащем " старые английские " рассказы. Смотрите также первый рассказ в томе "Северная Европа". (Редактор).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.